

Тогда любить женатого было аморально

Его стихи
пели,
поют и будут
петь еще
очень-очень
долго.
Может
быть —
всегда

Вообще-то, сперва у меня был другой заголовок: «Неправильные любви» Николая Доризо». Коряво, да? Тогда так: «Истории любви Николая Доризо». Потому что без любви — вообще никуда, но писал-то он все больше о любви не шибко счастливой — потому и «неправильным» казался разным начальникам. Да что там: аморальными его стихи считали! Смешно, да? Особенно — нынче.

На тот большак, на перекресток

...Как мы в Переделкине искали Писательский проезд — это песня отдельная. Новые хозяева жизни, к писателям отношения не имеющие, столько всего нового настроили-наворотили, что не разберешься, где кто. Слава богу, одна старушечка абсолютно точно указала: перед мостиком через Сетунь — направо!

Большак — не большак, но перекресток — точно. Нашли наконец-то. Домик — маленький. Зато калитка — настежь: заходите, гости дорогие, вас ждут.

В прихожей вкусно пахло оладьями, и Вера Георгиевна, жена Николая Константиновича, натащила на стол целую кучу еды.

— Вера! А водочки нам по маленькой? По чуть-чуть? И вот напишет потом товарищ корреспондент о том, как пьют писатели-поэты-алкоголики... Правильно я говорю?

«Товарищ корреспондент» смущенно ковыряет носком туфли пол и неуверенно хихикает. А Доризо смеется.

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ПОБЫВАЛА В ГОСТЯХ У ПОЭТА НИКОЛАЯ ДОРИЗО

— Ну, конечно! — притворно ворчит хозяйка якобы сердясь. — Без водки — не обойдетесь?

Я-то уж точно обойдусь, но Доризо грозно шевелит бровями и — не спрашивает, а именно что — вопрошает жену в том смысле: кто в доме хозяйин?!

А я вижу и чувствую, что это у них семейная игра такая, и что так играть могут только очень понимающие, очень любящие, очень близкие люди! Что, собственно, и правда. Уже сорок лет они вместе — поэт и актриса. Играла и блистала Верочка Вольская на сцене Театра оперетты, а у Доризо шла там некогда его пьеса-спектакль «Конкурс красоты»...

Николай Константинович — в кресле, при полном при параде: костюм, белая рубашка.

Ах, эта старая гвардия!

Старосветская любовь

— Вы что действительно прочитали мою «Книгу о любви»? — недоверчиво спрашивает Николай Константинович.

Ну, вот! Не верит. Приходится доказывать и говорить, что — да, честное слово, прочитала сборник стихов, вышедший в издательстве «Русская книга». (Чего и всем, кстати говоря, желаю и советую.)

И что кроме его стихов, там напечатанных, совершенно неожиданная, удивительная проза. Какое эссе про «Старосветских помещиков»? Привыкли, в самом деле, считать, что у Гоголя это — гимн пошлости.

А ведь это — любовь. Тоже любовь, и неизвестно, что «круче» — «Ромео и Джульетта» или вот эти старики? Потому что век прожили в согласии, дня не мысля друг без друга — а оно такого дорогого стоит! Что там молодость — миг, а ты до старости сохрани душу живую, молодую, способность вечно любить одну! Или одного.

Нет, можно, конечно, спорить и не соглашаться. Но это и прекрасно — когда писатель заставляет спорить и не соглашаться!

— Сейчас заканчиваю новую книгу, — говорит Николай Константинович, — «Правда и ложь о самозванце». Хотелось попробовать взглянуть иначе на эту личность в истории... Ну, и вообще: «лета к суровой прозе клонят, лета шалунью рифму гонят!» Кстати, знаете, что в школе у меня было прозвище — «Пушкин»? Я ведь так давно пишу стихи. И все — помню!

«Парней так много холостых, а я люблю женатого» (Кадр из фильма «Дело было в Пенькове»)

А вместе нам — не справиться...

Он и вправду — помнит. Потрясающая, прямо непомерная для одного человека — память!

Его детство, юность прошли на Кубани. Краснодар, Ростов-на-Дону. Там жила большая семья, дед-священник, отец-адвокат. В его роду греческие корни, южная горячая кровь переплелась с казачьей, а фамилия у него — отцова.

Отца арестовали в 37-м.

— Но никто, вы понимаете, никто меня за это не жучил, не корил, не попрекал! Ни в школе, ни где.

— «Сын за отца не отвечает»?

— Ну да, это уже было сказано — к тому времени. Но ведь дело уже даже и не в этом, а в самих людях...

Вспоминает, вспоминает. Школа, первые стихи, первые публикации. И война, куда ушел фронтовым корреспондентом, и работа в газете «Слово бойца», что распространялась на Северо-Кавказском фронте.

И — первые песни.

Его начали петь, не зная, что он — это он. Вот уж поистине кому война, а кому (это я в хорошем смысле) мать родна: именно эти страшные годы стали золотым временем для песен! Они

и родились там, на войне, — Наши Песни.

Потому и поем их до сих пор? — Симонов — гений, «Жди меня» — это все, что нужно было сказать о войне, о жизни, о любви! То, что нужно было всему народу — и каждому человеку, каждому солдату, каждому мужчине — и каждой женщине! И он это сказал.

...Давно-давно вертится на языке вопрос: а могли вы себе представить, Николай Константинович, что ваши строки «Парней так много холостых — а я люблю женатого» так прославятся, такими крылатыми станут?

Ведь правда же: вечный гимн несчастной, неразделенной любви! Невозможности быть с любимым. Невозможности счастья.

Всего восемь слов. Восемь таких обычных и пронзительных слов!

— Ну да, — улыбается Николай Константинович, — а вы знаете, что никто не хотел эти стихи брать? Аморалка: как это — «люблю женатого»?! Мы тут, понимаешь, коммунизм строим, а вы...

— То есть вы не к фильму «Дело было в Пенькове» эту песню написали?

— Нет, к фильму — специально — была написана другая: «От

людей на деревне не спрятаешься». И уже вошла в фильм, и съемки были уже закончены и уже худсовет назначен...

В общем, как рассказывает Доризо, пришлось тот худсовет отложить: потому что в последний момент показал он стихи Кириллу Молчанову, композитору, другу: гляди, мол, ведь прямо — в «жилу», в тему! — Ну и где ж ты раньше был, расстроился композитор? Поздно уже!

А ты все-таки посмотри, настаивал поэт.

И тот сел за рояль. И — с листа, как будто уже она жила в нем, эта мелодия, — сыграл. От начала до конца, от первой до последней строки: «С любовью справлюсь я одна — а вместе нам не справиться!»

И поехали они на студию, и сыграли там. И все, кто был в тот ранний час на студии имени Горького, весь техперсонал — гримерши, костюмерши и прочие рабочие, — так и припали, так и прилипли к роялю, за которым сидел автор. А через день уже повсюду пели песню, уже полетела — «в народ».

Ну, что. Пришлось откладывать худсовет и доснимать эти эпизоды: когда Майя Менглет-Тоня слышит за окошком: «Эх, рано он завел семью — печальная история...» А Тихонов-Матвей в это время — как

раз со своей семьей-Ларисой-Светланой Дружининой обнимается!

...А ведь как подумаешь: и сколько же нас, женщин, рыдало, рыдает и рыдать будет над этими кадрами, над этими строками!

Сама плакала, чего уж там: было дело. Любила — женатого.

Ты еще моложе кажешься, если я около!

Да простит меня Николай Константинович, может, и нелзя, и обидно так говорить, но все-таки, скажу: если бы он, поэт Николай Доризо, всего и написал за свою жизнь, что — эту песню, да вторую, к фильму «Простая история», да романс Рощина из «Разных судеб» — только эти три!

И тогда все население «бывшей страны Советов» — в ножки, низко-низко должно было бы ему поклониться!

Жить без любви, быть может, просто — но как на свете без любви прожить?

Ведь это же надо было — так написать. Такие слова найти.

А это (на музыку Н. Богословского):

Почему ж ты мне
не встретишься —
юная, нежная,

В те года мои далекие,
в те года вешние?

Голова стала белою,
что с ней я поделаю?

Почему же ты мне
встретилась лишь сейчас?

— А Доризо говорит, что «списал» эту песню с натуры — была такая драма. Один известный режиссер полюбил одну молодую актрису...

А вот моя мама всегда плачет, когда слышит «Давно не бывал я в Донбассе». Помните, как герой, от лица которого идет речь, вспоминает свою первую любовь, девушку отчаянной красоты? А потом, спустя годы, видит ее же, седую, постаревшую...

«Прости меня, Галя, Галина Петровна, не знаю за что, но прости!»

Прости за жестокую память о прежних косичках твоих,
За то, что мужчины

бывают с годами
моложе ровесниц своих...

...Ну и как же тут моей маме не заплакать, а?

И вашей — я уверена! — тоже.